

Александр Смольников

И. И. НЕПЛЮЕВ
Уйское пограничье

Александр Смольников

**Уйское пограничье. И.И.
Неплюев. Книга первая.**

«Автор»

2026

Смольников А. В.

Уйское пограничье. И.И. Неплюев. Книга первая. /
А. В. Смольников — «Автор», 2026

В 1-й книге «И.И. Неплюев» серии «Уйское пограничье» рассказывается о жизни и деятельности русского адмирала, действительного тайного советника, дипломата, устроителя Южного Урала в 18 веке – о Неплюеве Иване Ивановиче. Одновременно это рассказ об истории Оренбургского казачьего войска, возникновения и жизни станицы Степной как военного поселения в составе других поселений Уйской пограничной линии, выстроенных для защиты русских земель. А также рассказ о её жителях – казаках, их семьях, быте и славных традициях. Первая книга ведёт повествование вплоть до восстания Пугачёва.

© Смольников А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Смольников Уйское пограничье. И.И. Неплюев. Книга первая.

АЛЕКСАНДР СМОЛЬНИКОВ

Уйское пограничье

Книга первая

И.И. НЕПЛЮЕВ

Село Степное. (Фото Г.П. Дёмина)

©Александр Смольников
ISBN: 978-5-6051154-4-1

ЕКАТЕРИНБУРГ
2025

АЛЕКСАНДР СМОЛЬНИКОВ

Посвящаю всем нынешним и бывшим жителям села Степного,

*своему отцу Смольникову Владимиру Александровичу, его брату Юрию Александровичу и сестре Елене Александровне Малыхиной (Смольниковой),
их родному дяде Качинскому Николаю Станиславовичу, выросшим на этой земле... Бое-
вому офицеру специального подразделения «Вымпел» Александру Николаевичу Анциферову –
моему другу и однокашнику.*

Уйское пограничье

Книга первая.

И.И Неплюев

(Фото предоставлено Г.П. Дёминным).

ОТ АВТОРА

Александр Смольников.

Уважаемые читатели, ранее мною были написаны книги:
об армии – «Ступени»,

о великом живописце И.К. Айвазовском – «19 век. Айвазовский, море и вся его жизнь»,
«19 век. Айвазовский, море и вся его жизнь» (Малоизвестные страницы) и «XIX век. Айвазовский, море и вся его жизнь. (Страна фараонов)».

книга с юмористическим уклоном о Кубе и мотострелковой бригаде Вооружённых сил СССР на острове Свободы – «Куба, армия, комсомол»,

сборник рассказов и стихов – «Девкина заводь».

вышли три части книги об истории Урала – «Тропами святого Урала», посвящённой 300-летию Екатеринбурга.

две части книги «Че Гевара. Революция длиною в жизнь».

книга «Мой Мелитополь. XX веков от сказки» вышла в 2024 году в трёх частях: «Истоки», «История города. Мелитополь» и «Возвращение к истокам».

В 1-й книге «И.И. Неплюев» серии «Уйское пограничье» рассказывается о жизни и деятельности русского адмирала, действительного тайного советника, дипломата, устроителя Южного Урала в 18 веке – о Неплюеве Иване Ивановиче. Одновременно это рассказ об истории Оренбургского казачьего войска, возникновения и жизни станицы Степной как военного поселения в составе других поселений Уйской пограничной линии, выстроенных для защиты русских земель. А также рассказ о её жителях – казаках, их семьях, быте и славных традициях. Первая книга ведёт повествование вплоть до восстания Пугачёва.

Главные персонажи, за некоторым исключением, не вымышленные, а жившие на этой земле люди, которые вошли в историю села, а порой и страны, как истинные патриоты. Хоте-

лось бы, чтобы нынешнее поколение жителей села Степное, Челябинской области гордилось своей историей и воспитывалось в том числе и на примере своих собственных героев!

Автор постарался рассказать о них, исходя из материалов, которые остались в документах, в семейных преданиях, и из личного общения. Основные события, разворачивающиеся в книге, сверены с историческими документами.

Особое спасибо краеведу, почетному гражданину Пластовского района Р. К. Хайратдинову за его исследования истории Пластовского района и села Степного.

Выражаю благодарность за помощь в подготовке книги моей жене Наталье Анатольевне Смольниковой, а также Элле Евгениевне Лякишевой, Марине Николаевне Жеребцовой, Александру Борисовичу Крайнюку, Еве Евгеньевне Абабковой, Любове Ильиничне Коляминой, Геннадию Петровичу Дёмину.

Атаманы станиц 2 ВО, 1905 г.

(Фото предоставлено Г.П. Дёминым).

Художественное оформление обложки – А.В. Кадочниковой.

Фоном обложки служит картина художника Качинского Н. С., на которой изображено ковыльное поле и само село Степное.

Рисунки и фотографии частично взяты из интернета.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие читатели, давно хотелось прикоснуться к истории старинного южно-уральского села Степного, в котором жили мои предки, родился и вырос мой отец Смольников Владимир Александрович, его родной дядя – Заслуженный художник, Заслуженный работник культуры РСФСР Качинский Николай Станиславович.

Итак, начинаем! Первым губернатором Оренбургской губернии был Иван Иванович Неплюев, который управлял краем с 1742 по 1758 годы. За это время он основал 70 крепостей по рекам Яик, Уй в (перевод с башкирского – «долина», «низина»), Тобол, Миасс.

Для Южного Урала Иван Иванович Неплюев значим также, как Г. А. Потёмкин-Таврический для Крыма, как М.С. Воронцов для Новороссии, как Н.Н. Муравьев-Амурский для Дальнего Востока. Неплюев волею судьбы первым был послан на окраину земли русской, как устроитель нашего Отечества. Становление Оренбургской губернии позволило России заявить о себе в Центральной Азии.

История укрепленного поселения «Степное» уходит в эпоху бронзового века. Но нас сегодня интересует крепость Степная на Уйской пограничной линии Оренбургского казачьего войска, которая была основана в 1743 году как военное поселение.

Линия защищала русские селения от набегов киргиз-кайсаков, земли которых начинались южнее Степной. Река Курасан, впадающая в Уй, была естественной преградой и защитой от неожиданного нападения кочевников с южной стороны Крепости.

Форштадт ("фор" – перед, "штадт" – город) появился на противоположной стороне реки Уй напротив крепости Степной несколько позднее.

Река Уй – левый приток Тобола, одна из самых крупных рек Челябинской области. Древние стоянки на её берегу датируются третьим тысячелетием до нашей эры.

В 1745 году в Крепости построен деревянный храм Михаила Архангела. Летом 1774 года её взяли штурмом пугачёвцы. Коменданта и нескольких офицеров повесили, Крепость сожгли. Сегодня краеведы из Степного убеждены: казненный комендант Крепости и его супруга стали прототипами героев пушкинской «Капитанской дочки» – капитана Миронова и капитанши Василисы Егоровны.

Первая школа в станице Степная была открыта 18 ноября 1845 года.

9 июня 1891 года станица Степная встречала наследника престола, цесаревича Николая Александровича Романова.

После упразднения казачества советским правительством в 1920 году станица преобразована в обычное село.

Окрестности Степного – уникальное сосредоточение археологических памятников разных народов и эпох. Однако наибольший научный интерес представляет «аркаимский период».

О боевой славе местных казаков напоминает в селе необычный по форме обелиск-часовня. Он установлен героем Русско-японской войны генералом Михаилом Васильевичем Ханжиным в 1905 году. Надпись на памятнике гласит, что он посвящён памяти земляков-казаков, погибших в той войне. Сам генерал остался верен своим убеждениям и в период Гражданской войны воевал на стороне адмирала Колчака, входил в его ближайшее окружение. После поражения белого движения перебрался в Китай и дожил до 1961 года.

Так что, дорогие друзья, давайте окунёмся в события тех далёких времён. Первая часть книги «Уйское пограничье» рассказывает о событиях 18-го века.

*Часовня-памятник землякам-казакам, погибшим в Русско-Японской войне. Село Степное (Пластовский район, Челябинская область).
Сооружена в 1914г. (Фото Г.П. Дёмина).*

*Создали её казаки,
от врагов заслоняя собою.
Только с лёгкой казачьей руки
стала Русь частью света шестою.*

«Станица Степная». Есаул В.Корсаков.

Часть – 1.

Иван Иванович Неплюев.

Иван Иванович Неплюев.

**Глава – 1.
Рождѣнный быть первым.**

**1.1.
Тут будет Крепость стоять.**

Земля до горизонта уходит нераспаханными огромными степными пространствами разнотравно-злаковых растений, степных, луговых и болотных ландшафтов; блюдцами заросших озер, кишачих дичью. Видны темнеющие урочища первобытных урѣмных лесов и нагорных дубрав, лиственного влаголюбивого леса в поймах рек и на низких террасах предгорий. Глухие же массивы хвойных деревьев, спрятавших бурых медведей, рысей и глухарей, раскинулись дальше за рекой, впадающей в великий Тобол. Дичи много. Вот недалеко пробежал сурок-байбак. Дрофа уселась, посматривая по сторонам. Неприметный, величиной с курицу стрепет прячется в тѣмных кустарниках. Тут же кречѣтка – крикливая подвижная птица, серые журавли, смелый кроншнеп с длинным клювом, серые гуси, глухари, рябчики...

Солнце уже взошло и ярко осветило безбрежное море качающегося от ветерка ковыля, который уже стал одеваться в серебристый пушистый цвет, подобно белкам в начальный период зимней поры.

Отъехав от Троицкой крепости, спрятав двух своих пассажиров – главу Оренбургской Комиссии и его жену, коляска споро катила, окружѣнная всадниками в военных мундирах. Немного позади шла телега с имуществом отряда. Быстро скакать было невозможно, т.к. трава и кустарники прятали лошадей по самое брюхо, мешая движению путников.

– Стой! – слышалась команда старшего. – Выезжаем к реке и здесь остановимся на привал, вон какая красота окружает нас!

– Давай, служивый, выставляй палатки, стол и всё, что нужно для работы и отдыха, а мы пройдемся вдоль реки.

Человек в военном мундире выбрался из коляски и осмотрелся. За ним вышла молодая, с красивым, но болезненным лицом женщина, которой он подал руку и помог спуститься на землю.

В голове Ивана Николаевича Неплюева, будущего первого губернатора Оренбургской губернии, (а это именно он оказался человеком из коляски) проплыли в голове приятные мысли: «Тем, кто ни разу не ночевал на берегу степной речки, я бы посоветовал это осуществить хоть раз в своей жизни, чтобы понять всю прелесть окружающих тебя ароматов чабреца, полыни, шалфея, окунуться в «ночные песни» кузнечиков, птичек-подрожаяек варакушек и степных «зайчиков» сенокосов. Я уверен, что тогда тот поймёт моё желание остановиться в этом благодатном месте».

– Недаром эти земли после исследования геодезистами летом 1735 года были выбраны для поселения, недаром... – продолжал он размышлять уже вслух. – Реки Уй и Курасан служат неплохой естественной преградой с южной стороны от неприятеля! А значит, быть на правом берегу реки Уй новому пограничному поселению, быть крепости Степной!

Наступала ночь.

– Заходи, не стесняйся. Кто там? – повысил голос Неплюев, уже минут пять прислушиваясь к похаживаниям, покашливаниям за стенкой офицерской палатки часового.

Полы палатки тут же открылись, будто ходивший только и ждал этого приглашения. Перед Неплюевым предстал статный молодой казак из сопровождающего его отряда.

– Ваше высокопревосходительство, дозволейте обратиться. Казак Голубев мы... Афанасий.

– Заходи, служивый, рассказывай, с чем пожаловал?

– Так вопрос он такой, хозяйский. Уж шибко мне понравилось это место. Говорят, шо вы распорядились тут станицу ставить?

– Да-а, будет здесь заложена крепость по правому берегу, а твой какой интерес?

– Так самый, что ни есть прямой, ваше высокопревосходительство! Жениться собрался, вот дом бы тут и поставил у реки, хозяйство завёл, робятков бы нарожали для службы царю-батюшке да сам ещё послужу Отечеству нашему!

– Хорошее желание, Афанасий, главное не побоялся обратиться! Считай, что зачисляю тебя казаком в станицу, только не подведи!

– Ой, радость-то какая, ваше высокопревосходительство! Век молиться за вас будем!

– Невесту как звать-то?

– Евдокией кличут, ваше высокопревосходительство!

– Ладно, ступай, казаче, я ещё посижу, подумаю в тишине... Не забудь на свадьбу пригласить!

Казак Голубев отдал честь, широко улыбаясь, и браво развернулся, насколько позволяло небольшое пространство палатки. Потом опять повернулся к Неплюеву. На его лице сияла улыбка во всё лицо:

– Благодарствую, барин! Благодарствую, ваше высокопревосходительство!

Иван Иванович посмотрел на жену:

– Давай, Аннушка, будем отдыхать, день был тяжёлым, всё дорога, дорога...

Ночная тишина окутала временный лагерь.

1.2.

Воспоминания.

Неплюев снял сапоги и прилёг на походную кровать. В голову вместе с приятной дремотой со звуками степной ночи пришли воспоминания о прожитой жизни.

Хороший у нас род – знатных много фамилий! Вот тятя, отец мой, Иван Николаевич, обедневший помещик, потомок из рода Андрея Кобылы, боярина князя Ивана Калиты. Правнук Андрея Кобылы, Фёдор Иванович, имел прозвище «Неплюй», от него и пошло потомство Неплюевых. (Словарь В.И. Даля объясняет слово «Неплюй», как оленёнок до полугода, шкура которого шла на изготовление непродуваемой шубы). Одно не задалось: помер отец на 38 году жизни, в 1709 году, когда было мне 16 лет отроду. Оставил 80 душ недвижимого имения.

Род Неплюевых примыкал к царствующему роду Романовых, Шереметьевых, Колычевых. Предки Неплюевых были воеводами городов Руси. Как не гордиться!

Матушка же – Марфа Петровна Мышецкая, из княжеского рода Мышецких, чьё происхождение от Рюриковичей. Род отделился в 14 веке и получил название Мышецкие по вотчине у речки Мышага, близ Тарусы.

В дальнейшем от Константина Мышецкого пошёл род князей Оболенских, от его брата Ивана – род князей Волконских.

Надо сказать, дорогой читатель, в дополнение к воспоминаниям Неплюева: князя Мышецкие во второй половине 17 века входили в десятку наиболее богатых землевладельцев Руси, но после раскола русской православной церкви (1653 г.) многие представители рода остались приверженцами старой веры, поэтому подверглись преследованию, и земли их частично были конфискованы.

Думы, думы... Так родной дед по матери, князь Пётр Иванович Мышецкий, ярый защитник старого обряда, узнав, что на него донесли и ему грозит суровое наказание, чтобы избежать бесчестия, совершил самосожжение. Сильные духом были люди, сильные! Это случилось за три года до моего рождения. Жалко не довелось увидеть деда!

Напомню факт, что П.И. Мышецкий стал прототипом образа старовера Досифея в опере М.П. Мусоргского «Хованщина».

Иван Иванович привстав, отмерил несколько шагов в одну сторону офицерской палатки, развернулся и, шагнув, тут же упёрся в другую стенку.

Да, женился в 18 лет по воле матери в 1711 году, 9 сентября, на родной племяннице новгородского наместника Ивана Юрьевича Татищева, девице Федосье Федоровне Татищевой, получив за неё в приданое 20 душ.

19 августа 1712 года родился сын Адриан, в том же Новгородском уезде, в селе Поддубье. В 1714 году 14 июля родилась дочь Марья...

Неплюев присел на кровать. Да, всему он обязан своей маме, высокообразованной женщине. Это она в годы его детства и отрочества, которые прошли в имении родителей, сумела дать ему глубокие знания и привить высокие нравственные качества.

Лёжа на кровати, он долго смотрел на горевшую на столе свечу. Сон не шёл. За стенкой шатра, что-то свиристело, ухало, порой подвывало – шла жизнь ночных обитателей в дальнем лесу.

1.3.

Первые шаги.

Надо сказать, дорогие читатели, что был очень важен указ Петра I о недорослях, который обязывал дворян определять своих детей на учебу в различные школы. Подошла очередь Ивана.

Марфа Петровна встала из-за стола и погладил сына по голове:

– Ну, что, сынок, ты уже подрос, окреп, пора и в люди выходить. Но для этого нужно много учиться. В силу разных причин, я могу тебе дать только имя Неплюевых да немного накопленного за жизнь, остальное ты должен добиться сам, голова у тебя смышлёная, разберёшься. У которых и имя, и богатство, тем легче. А тебя ждёт тяжёлая дорога упорной работы, только так можно достичь положения в нашем обществе!

После разговора с матерью Иван Неплюев был зачислен в марте 1715 года в Новгородскую школу «для обучения основам математики».

Одним из главных пунктов образовательной программы Петра I в ту пору было стремление создать кадры технической и административной интеллигенции. Нужно было поторавливаться. Спешная подготовка специалистов была необходима для новой регулярной армии, строившегося мощного флота, для новых мануфактур, дорожного дела, для создания нового правительственного аппарата.

**Петр I Алексеевич
Романов (Великий)
(1672-1725)**

Ещё в молодости Пётр с охотой изучал математику и овладел ею в объеме, которого хватило бы, чтобы быть квалифицированным инженером, архитектором и навигатором. Практическое значение математики ему было ясно, и в первых школах, которые он организовал, математика стала одним из главных предметов. За уровнем преподавания математики в государстве тщательно следил сам Пётр и его помощники. Одним из ближайших при этом был Александр Данилович Меншиков.

В 1714 году военная карьера Меншикова закончилась – он вернулся в Петербург и занялся решением внешних и внутренних вопросов государства. Будучи первым генерал-губернатором Санкт-Петербурга, городу он уделял особое внимание. И это неудивительно: в 1713 году туда переехали императорский двор, дипломатический корпус и Сенат. В 1715 году он создаёт комиссию по проверке состояния дел в математических и инженерных школах.

Учёба давалась Ване Неплюеву легко, и надо сказать, что учился он с удовольствием. В один из дней июня школа готовилась к приезду инспекции. Иван, устроившись на стуле в одном из коридоров школы, увлѣвшись, читал книгу и ничего не замечал. Вдруг над его головой раздался голос:

– Что изучаете, молодой человек, и как вас зовут?!

Он поднял голову и тут же вскочил. Лицо от волнения стало мгновенно пунцовым. Перед ним стоял инспектировавший учебные заведения князь Александр Данилович Меншиков с сопровождавшими его членами комиссии и директором школы.

– Ваша Светлость, да вот изучаю «Арифметику» Леонтия Магницкого. А зовут меня Иваном, Иваном Неплюевым!

Директор школы заулыбался, видно, что-то его отпустило, и он расслабился после ответа ученика школы.

– О, молодой человек, вы, наверное, хорошо учитесь, чтобы самостоятельно уделять время изучению математики! Учитесь, учитесь, Великий Государь тоже уделял этому предмету большое внимание с детских лет! Учитесь, и вы далеко пойдёте!

– Я буду очень стараться, Ваша Светлость!

– Я приехал с инспекцией по проверке вашей школы, и учеников ждут особые задания. Я посмотрю на ваши ответы отдельно, так что, думаю, мы с вами ещё встретимся!

Александр Данилович похлопал Ивана по плечу и продолжил своё движение по коридору.

Задания были сложные, но Иван достаточно быстро справился с экзаменом и сдал свои ответы учителю.

С не меньшим трепетом, как и при первой встрече с князем Меншиковым, Иван постучал по вызову в дверь директорского кабинета.

– А, Иван Неплюев! – на него смотрели весёлые глаза князя. – Я другого и не ожидал. Вы показали блестящие знания! Я перевожу вас, как лучшего ученика школы, в Нарвскую навигаторскую школу вместе с 84 другими учениками, показавшими хорошие результаты! Там вам уже будет преподавать сам Леонтий Магницкий, полюбившийся вам за написанный им учебник.

Перед этим событием умерла мать Неплюева Марфа Петровна. Жаль, она не смогла разделить радость сына.

1.4.

Нарвская Навигационная школа.

При Нарвской Навигационной школе, располагавшейся в палатах уничтоженной ныне Сухаревой башни (построена была в 1695 году в Москве по проекту Михаила Чоглокова), было четыре учителя – три иностранца: Фархварсон, обучавший детей математике, астрономии и морским наукам, Стефан Гвин и Ричард Грейс, специализировавшиеся на навигаторских науках и фехтовании, и один русский – Леонтий Магницкий. Последний происходил из тверских крестьян. Он самостоятельно изучил многие науки, в том числе математику и европейские языки: греческий, латинский, итальянский и немецкий, учил гардемаринов грамоте, письму, арифметике. Он также обладал обширным багажом сведений по астрономии и навигации. Его перу принадлежит, как мы уже знаем, знаменитая «Арифметика» – книга, сыгравшая большую роль в истории русского математического образования.

Надо упомянуть, что Магницкий, несмотря на то что являлся человеком, на котором держался весь образовательный процесс, получал меньше своих заокеанских коллег.

Согласно указу царя, принимали детей всех сословий, кроме крепостных. Прибывших (от 12 до 17 лет) расспрашивал сам Пётр I.

А. К. Саврасов. Сухарева башня. (1872г.).

Его соседом по парте стал Семён Дегтярёв, младший по возрасту, добродушный, умный малый. Они стали вместе делать уроки и вместе жили в одной комнате тут же, в Сухаревой башне. Первые занятия оставили у Ивана хорошие впечатлениями и в то же время не очень весёлые мысли.

Шёл урок астрономии. Ученики относились к ней порой с прохладцей, как к чему-то далёкому, почти нереальному. Сёма, уставший представлять эти планеты и созвездия у себя в голове, решил спуститься на землю. Вначале что-то рисовал на листе бумаги, потом повернулся к Неплюеву, показывая нарисованное изображение и, прыснув в кулак, давился от смеха. В это время прозвучал злобный рык «дядьки», который постоянно находился на уроках параллельно с учителем. Семён резко выпрямил спину, пытаясь придать себе серьёзное лицо, но было уже поздно. Хлыст «дядьки» с шумом опустился ему по хребту, порвав рубаху.

– Дегтярёв! Вы что себе позволяете? – учитель астрономии Фархварсон, долго не думая, указал ему указкой на дверь.

Проскочить мимо «дядьки» не удалось, тот схватил его за руку и, смотря прямо в глаза Семёну, прошипел:

– А с вами, молодой человек, мы ещё раз встречаемся после бани в субботу, вы надеюсь знаете зачем!?

– Никак нет, я нечаянно!

– С вами мы встречаемся, чтобы вы, Дегтярёв, глубже поняли сегодняшний урок, а для этого получите от меня ещё порцию розог по спине, удара одного хлыста явно мало, чтобы его усвоить!

Эта неделя оказалась очень насыщенной на отрицательные события для учеников. За прогулы был жёстко оштрафован их сосед в соседней комнате через стенку – Пётр Заруба. Одного из учеников, который не платил, выставили на школьном дворе и публично пороли до тех пор, пока товарищи и родственники, скинувшись, не внесли деньги.

Вечером в субботу Семён лежал на кровати на животе. Рядом на столе лежали аспидные доски, грифель или «каменные перья», карандаши, различные линейки, циркули, инструменты для определения времени по звездам, для определения широты и долготы, конечно, учебники и учебные пособия. Всё это выдавалось при поступлении в школу под расписку с обязательством вернуть их в целости. Также выдавали «Арифметику» Магницкого. Но бумагу ученики покупали сами.

Иван «колдовал» над посеченной розгами спиной Дегтярёва, меняя примочки. Семён тихонько постанывал.

– Ну, Сёма, ты как маленький, чего так расшебуршился на уроке, даже этот костолом заметил! Теперь вот болеешь...

– Ничего, заживёт! Вон должника выпороли, и у родителей грозятся конфисковать имущество в следующий раз. Хоть увольняйся ему из школы!

– Ага, скажешь тоже... Увольняйся! Родным за ходатайство об освобождении его от школы может грозить каторга. А вздумает бежать из школы – и вообще полагается смертная казнь.

– Очуметь у нас порядки, Иван!

– Так поступили, Семён, учиться, надо учиться, а не дурака валять! За неисправимую неуспеваемость в науках в прошлом году отдали в солдаты двоих, а случалось, говорят, посылали и на каторжные работы.

– Ладно, Неплюев, завтра дают получку: «кормовые деньги». У тебя хоть 5 алтын в день набегает, у меня три, а теперь ещё и штраф вычтут.

В скором времени их обоих перевели в другое отделение. В Навигационной школе ученики проходили все науки последовательно, в ней не было определенного времени ни для экзаменов, ни для перевода из класса в класс, учеников переводили из одного отделения в другое или, как тогда говорили, «из одной науки в другую», по мере выучки.

26 мая 1714 года. Корабль «Екатерина». В этот день в водах Балтики Пётр I находился в своей каюте на корабле. Морской ветерок развевал поднятый на корабле штандарт Петра. С 1712 года, согласно указу подписанному им, это был: «Штандарт, чёрный орёл в жёлтом поле, яко Герб Российской империи, имея три короны: две королевских и одну Империяльскую, в которого грудях Св. Георгий с драконом. В обеих же главах и ногах 4 карты морских: в правой главе Белое море, в левой Каспийское, в правой ноге Палас Меотис, в левой Синус Финикус и пол -Синуса Ботника и часть Ост-Зее».

Все последние месяцы он усиленно работал по вопросу создания в Петербурге Морской академии. После Гангутской победы мысль об организации в новой столице Морской академии не отпускала его, не отпускала она и его ближайших соратников, участвовавших в строительстве и укреплении отечественного регулярного флота. И вот всё готово!

Пётр поднял на уровень глаз написанное им лично письмо капитан-поручику Григорию Григорьевичу Скорнякову-Писареву, и ещё раз прочитал: «Господин капитан-поручик! Понеже господин адмирал граф Апраксин писал, дабы выслали в Питербург с Москвы из Навигацкой школы учеников, которые выучили геометрию, 20 человек, и когда оные в Питербург приедут, тогда прими и учи артиллерии, а заранее о том донеси князю Александру Даниловичу

Меншикову, дабы он велел к приезду их сделать в Питербурге в удобном месте избы, где их учить».

Распоряжение царя явилось официальным документом, который свидетельствовал о предстоящем переводе части воспитанников московской Школы математических и навигационных наук в новую столицу.

1.5.

Морская Академия.

25 – 27 июля 1714 года произошло Гангутское сражение, которое закончилось первой блестящей победой отечественного регулярного флота. Команды шведских судов, не выдержав стремительной абордажной схватки, одна за другой сдавались в плен. Восхищаясь действиями русских моряков в этом бою, Пётр I отмечал: «Воистину нельзя описать мужество российских войск как начальных, так и рядовых, понеже абординирование так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом порохом от пушек разорваны».

Победа при Гангуте показала превосходство русского военно-морского искусства и имела огромное военно-политическое значение. Инициатива боевых действий на Балтике полностью перешла к русскому флоту.

Вскоре после виктории, одержанной при Гангуте, российский император принял решение сконцентрировать подготовку морских офицеров и корабельных специалистов в новой столице – Санкт-Петербурге, у моря, где тогда располагалась основная военная база русского флота.

Вместе с указом Петра I об учреждении в столице «на Адмиралтейском острове» Морской академии, император утвердил официальные циркуляры, регламентирующие её деятельность.

1 октября 1715 года по указу Петра I переводят высшие классы навигационной школы в Санкт-Петербург из Москвы. Она была помещена в бывшем доме Кикина, на том месте, где сейчас находится Зимний дворец и предназначалась уже только для дворянских детей. В этот же год император собственноручно утвердил подробную «Инструкцию к Уставу Морской академии в Санкт-Петербурге», в деталях регламентировавший строгий распорядок учебы и жизни воспитанников на новом месте.

Оставшиеся в Москве низшие классы сделались подготовительным учебным заведением. С 1716 года и до конца жизни руководил Навигационной школой Магницкий – до декабря 1752 года, когда её закрыли. Фархварсона перевели профессором в Петербургскую Морскую академию. Также стал профессором приехавший с ним и Стефан Гвын. Содержателем её был француз Баро. Академия была в ведении адмирала Федора Матвеевича Апраксина и генерал-майора и обер-штер-кригс-комиссара Григория Петровича Чернышёва; потом она поручена была Андрею Артамоновичу Матвееву. В школе было 300 обучающихся.

*Дом А. В. Кикина, в котором размещалась Морская академия.
Рисунок 1716 г.*

Чиновник польского посольства и автор «Краткого описания Петербурга» Х. В. Вебер утверждал, «что во всем пространстве Российского Государства не было ни одной знатной фамилии, которая бы не представляла в Морской академии сына или ближайшего родственника».

Среди выпускников Морской академии наиболее известны адмиралы Алексей Нагаев, Николай Головин и капитан-командор Алексей Чириков. Нагаев составил первые карты Берингова моря, а также первый атлас с подробной лоцией Балтийского моря. Головин командовал Балтийским флотом в ходе Русско-шведской войны (1741 – 1743). Чириков был помощником Витуса Беринга, в 1741 году он стал первым из европейцев, достигшим западного побережья Северной Америки.

Кроме того, в Морской академии обучались русские полярные исследователи Дмитрий и Харитон Лаптевы, именем которых называется одно из морей Северного Ледовитого океана, и множество известных людей.

– О-хо-хо-хо! Сёма! Мы в Петербурге!

Ребята бежали по набережной, кидая камешки в воду.

– Иван, а давай голышики пускать! У кого больше раз он ударится о воду, тот и победил!

– Давай! Погнали!

И вода возле берега закипела от пущенных голышей, будто отделение солдат открыло по воде огонь из ружей.

– Вот где нам предстоит учиться! Прямо форпост возле хитрой Европы!

– Точно!

– А смотри как здорово! Везде строится столько объектов!

– Ур-ра! Петербург, ты ого-го-о!!!

Они бежали по набережной, и молодость сердец звала их к подвигам во имя страны, во имя России!

– Ух ты, Сёма, смотри, где расположена академия! А напротив Адмиралтейство и Главный штаб тут же!

Набережная Невы на участке от Адмиралтейства до «почтового дома» (впоследствии на его месте возвели Мраморный дворец) в то время усиленно укреплялась. В болотистую почву забивали бесконечное число свай, закидывали фашинник, землю, щебень.

– Ага, Иван, а вон смотри, неподалеку от нас располагаются хоромы командующего российским флотом генерал-адмирала Ф.М. Апраксина!

– А вон, Сёма, смотри, какое поле отвели для коров его высокопревосходительства! Не имей кучу алтын, а будь генерал-адмиралом Апраксиным! Ха-ха-ха!

Против Адмиралтейства специально отгородили часть заливного луга для выпаса коров и овец адмиралов Апраксина и Крюйса.

– Точно! А знаешь, Семён, надо к этому стремиться, нужно все силы отдавать Родине, и она о тебе позаботится!

– Что, поле для коров выделит?

– И поле тоже... Нет, я серьёзно! Хотя для меня нет ничего лучше дома, где я вырос!

Шло время. Учёба в Морской академии была на порядок глубже, чем в навигационной школе. Они – гардемарины, элита школы! Но они были ещё теми мальчишками, которым хотелось порезвиться и пошалить. На построении по случаю спуска на воду каждого военного корабля они стояли рядом с Преображенским и Семёновским полками. На Неве обычно выстраивались корабли Балтийского флота, расцвеченные флагами. На флагштоке Адмиралтейства в этот день поднимали три флага: государственный, адмиралтейский и императорский штандарт. Корабль торжественно сходил на воду под орудийный салют и ружейные залпы почетного караула. По принятому обычаю Пётр I лично вручал строителю корабля на серебряном блюде по три «царских» рубля за каждую пушку, установленную на спускаемом военном судне.

А в свободное время гардемарины, напившись, покутив в каком-нибудь кабаке города, не раз вступали с солдатами, да и не только с ними, в кулачные бои. Порой вытворяли наши учёные морские математики такие вещи, что руководители академии были вынуждены платками смахивать выступающий от волнения пот на лысынах под париками.

Что сказать? Да, в молодости таких случаев и в наше время случается немало...

Артиллерии в академии обучал капитан-поручик лейб-гвардии Преображенского полка Г.Г. Скорняков-Писарев, а с 1719 года этот предмет стал вести бомбардир-сержант Иван Невский, получавший за свой труд, кроме полковой дачи, два рубля в месяц. Искусство фехтования воспитанникам преподавал иностранец Гейман, чьё жалованье составляло 550 рублей в год (более чем в 20 раз по сравнению с русским коллегой-бомбардиром).

Со дня основания учебного заведения специально прикомандировали к нему гвардии поручика Бестужева, гвардии прапорщика Ковтырева и двух сержантов лейб-гвардии Семёновского полка для обучения учащихся Морской академии «фронту». Так мы с вами помним, что в это время шла при Петре I Северная война (1700 – 1721гг.) России со Швецией за возвращение захваченных шведами в 16 – начале 17 веков русских земель и за выход к Балтийскому морю.

Пётр I верил, что Морская академия станет идеальной школой подготовки отечественных морских офицеров новой формации. Бывая в Адмиралтействе, царь часто посещал именно это военно-учебное заведение, находившееся неподалеку.

Первым директором Морской академии стал француз барон Сент-Иллер, приглашённый Петром I на русскую службу. Но оказался, если сказать покороче, большим нытиком, а работником, тем более руководящим – никаким. Он часто жаловался на окружающих и даже имел неосторожность пожаловаться на самого Меншикова, на что тот сказал, что будет учить его работе с помощью палки.

Посмотрите на князя: нам есть, на кого ровняться, друзья, в общении с Западом... Не правда ли!?

Для обобщения нужно добавить, что после графа А.А. Матвеева, назначенного в 1719 году сенатором и президентом Юстиц-коллегии, академию возглавил, уже упоминавшийся

выше полковник и бомбардир-капитан Г.Г. Скорняков-Писарев, уступивший 21 апреля 1728 года директорский пост родственнику Петра I, князю А.Л. Нарышкину.

В последующие годы Морской академией непродолжительное время руководили выдающиеся морские офицеры, имевшие богатый опыт службы на флоте: вице-адмирал Д. Вильстер, П.К. Пушкин, В.А. Мятлев, В.М. Арсеньев, В.А. Урусов, А.И. Нагаев, А.И. Чириков, А.Л. Афросимов и Ф.М. Селиванов. Все они сделали немало полезных дел для становления и развития главного военно-морского учебного заведения России и оставили о себе память как талантливые воспитатели, подготовившие отличных морских офицеров для русского флота.

Подводя итог реформам Петра I в морском деле, следует отметить, что в годы великих побед русского оружия, в преддверии победоносного завершения затянувшейся изнурительной Северной войны, царя Петра не устраивали вчерашние специалисты. В государственных интересах требовался иной уровень их подготовки. В 1714 году стало очевидным, что система военно-морского образования в стране нуждается в коренном усовершенствовании.

Подробно изучив опыт работы военно-морских кадетских корпусов Франции, Англии и Дании, Пётр I разработал детальный проект основания в столице военно-морского учебного заведения нового типа, которое, однако, по своей сути и задачам, не являлось автоматическим повторением зарубежной практики. Прежде всего, император учёл значительный опыт работы Навигацкой школы, специфические особенности и различия в динамике развития общества в России и в интересующих его приморских европейских государствах.

В завершающем периоде русско-шведской войны обстановка в Петербурге нормализовалась, и примерно с 1715 года в город начинают переводиться все военные училища. Столица быстро становится центром светского просвещения, подготовки моряков, артиллеристов, инженеров, архитекторов, медиков, учителей и служащих.

Создание в Петербурге Морской академии знаменовало существенный уровень европеизации отечественной специальной системы образования. Однако справедливости ради заметим, что пройдет еще немало лет, прежде чем военно-морское учебное заведение действительно станет очагом культурной жизни столицы и российского общества.

Глава – 2.

Гардемарины.

гардемарин

2.1.

К чужим берегам.

Звание гардемарина учредил Петр I, определив его так: на судах гардемарины числятся на положении нижних чинов, носят форму Преображенского полка, и, согласно морскому уставу, они «в бою как солдаты, в ходу как матрос».

После практических плаваний в званиях младшего и старшего гардемарина следовало производство в офицеры. Гардемаринами перебивали почти все, за редким исключением, знаменитые морские офицеры России: Ушаков, Крузенштерн, Лисянский, Беллинсгаузен, Лазарев, Корнилов, Нахимов, Колчак и др.

После опубликования высочайшего указа в официальных государственных документах наряду со старым стало фигурировать и видоизмененное наименование столичного военно-морского учебного заведения – «Академия морской гвардии».

Из повседневного обихода тогда же ушло присваиваемое ранее выпускникам Навигацкой школы и Морской академии звание навигатор и официально утверждено новое воинское звание – гардемарин, заимствованное Петром I из Франции, где так называли молодых людей знатных фамилий, готовившихся стать морскими офицерами. В переводе с французского слово обозначает «морской страж», или «морской гвардеец».

Иван Неплюев с гордостью стоит на плацу в составе своей роты, внимательно следит за всеми командами её командира гвардии капитана Козинцева, который с группой гвардейских офицеров (капитан-поручиком Захарьиным, подпоручиками Пасынковым и Стерлего-

вым) приводят роту к присяге. Вот подошла его очередь. Какое волнение! Так... строевым шагом выйти перед строем. КругОм... Всё пока хорошо. Текст присяги даёт в руки сам гвардии капитан Козинцев... И вот оно таинство – Присяга!

Иван Неплюев с волнением в голосе приступил к её чтению, хотя знал текст назубок, строчки прыгают перед глазами:

– Я... обещаюсь всемогущим Богом верно служить Его Императорскому Величеству Петру Великому, Императору Самодержцу Всероссийскому и Его наследникам со всею ревностью, по крайней силе своей, не щадя живота и имения...

Летом они проходили службу на военных кораблях, постигая практику морского дела, выполняли последовательно обязанности матросов, комендоров и морских солдат; обучались «корабельному правлению, вели журналы мореплавания и производили обсервации» (определение места корабля). Зимой же продолжали теоретическое обучение в Петербурге, Кронштадте или в ином порту, куда в конце навигации приходил корабль.

В 1716 году Неплюев, получив на дорогу 30 рублей, направляется на Ревельский флот гардемаринном. Жена в это время, а именно 1-го числа, родила сына Ивана.

31 марта после строевого смотра, проведённого государем в доме графа Ф.М. Апраксина, Неплюев, а также назначенные гардемарины: Василий Квашнин-Самарин, Василий Татищев, Семен Дубровский, Степан Коновницын, Семен Мордвинов, Ефим Цимерманов, Петр Кашкин, Иван Алексеев, Петр Порохов и Алексей Арбузов были определены на корабль «Архангел Михаил». Капитаном на судне был англичанин Рю.

«И с того времени восприняли гардемарины начало».

В дорогу гардемаринам-князьям и «дворянским детям» был назначен паек из сухарей, круп, гороха, вина, вяленой рыбы и ветчины, а также жалование – по 2 рубля 40 копеек на человека в месяц (800 граммов хорошей говядины в Петербурге тогда стоили 3 копейки).

После ряда манёвров из-за шведского флота в апреле – июле 1716 года, Ревельский флот в составе десяти кораблей совершает рейс к берегам Дании – союзницы России в Северной войне.

После непродолжительного плавания в Балтийском море и учёбы на корабле в конце сентября, когда российский флот уже стоял в Копенгагене, Пётр I, находясь на корабле «Ингерманланд», распределил гардемариников на дальнейшую учёбу во Францию, Англию и Венецию.

Неплюеву для обучения «искусству мореплавания» досталась Венеция.

Февраль 1717 года. Амстердам. Царь Пётр I, задумавшись, сидит в комнате за столом. Берёт перо и, обмакнув в чернильницу, пишет:

«Венеция. Петру Беклемешеву (который был русским агентом) рескрипт. Сообщаю, что из Голландии отправляю 27 русских гардемариников, желающих пройти службу в военном флоте Венецианской республики. Вам предстоит добиться распределения прибывших на военные галеры республики «без потери времени».

Неплюев с гардемаринами был распределён на 52-пушечный «Браколь» с капитаном корабля Флознеком. Но путешествие, как планировалось, не состоялось, и им пришлось добираться другими путями.

Венеция с 1714 года вела войну с Турцией, а потому российские моряки, среди которых Иван Неплюев, Шипилов, Аничков и Абрютин, республике пришлось кстати – долго добиваться их распределения на военные галеры Беклемешеву не потребовалось.

Отсюда становится понятным, что отправка на учебу за границу в те годы считалась не только за честь, но и представлялось тяжким и опасным делом. Боялись последствий родственников, да и не без оснований; сами учащиеся тоже. И видно не зря...

Неплюев уже обвыкся на корабле, лицо его забронзовело на солнце и морском ветре, Иван окреп, в глазах сквозила уверенность. Он смотрел на волны, опираясь на фальшборт и вёл разговор с таким же гардемаринком, как и он сам, своим лучшим другом Дегтярёвым:

– Как себя чувствуешь, Семё? Вроде мы не матросы, но и не офицеры!?

– Да, Иван, по сути, мы офицеры-практиканты, если посмотреть со стороны, совмещаем службу с учебой.

И задорный смех Семёна полетел над волнами среди чаек, летевших за кораблём.

– Это точно – практиканты... Исполняем обязанности матросов, но с условием, что четыре часа в день будем осваивать обязанности других офицеров, – поддержал Иван.

– Ага, Семён, сегодня уже отбормили полтора часа на занятии со штурманом да час осваивали управление кораблём и работу с пушками.

– Слушай, Иван, кстати давай заканчиваем, пора выдвигаться на изучение мушкета. Ещё одно и последнее занятие на сегодня.

– Пошли! Оно короткое, всего-то на полчаса ... Разбирать да целиться в мишень. Стрелять всё равно на корабле нельзя!

– Галеры, галеры, Венеция..., – Иван посмотрел на море, бирюзой уходившее вдаль, – А ведь галеры в Венеции придумали. Пошли, брат, изучать мушкеты!

В бою же гардемаринки распределялись по корабельным пушкам для помощи канонирам.

Дни бежали, корабль постепенно приближался к далёкой тёплой стране, держа курс к лагуне на 118-ти песчаных островах Венецианской республики, где с незапамятных времён жили рыбаки, добытчики соли и охотники на водоплавающих птиц. Как оказалось, полученные в плавании знания оказались не лишними.

2.2.

Морские баталии.

По прибытии Неплюев получил первое боевое крещение, приняв участие в войне с Турцией на стороне Венеции, и за успехи получил от венецианского командования аттестат, засвидетельствовавший его мастерство в управлении галерой на море. Не все гардемаринки, отправившиеся тогда в плавание, вернулись назад, но чести гвардейского мундира они не уронили.

В июле в составе кораблей Венецианской республики галера Жентела, на которой находились Иван и Семё, вступила в бой с турецким флотом. От залпа неприятеля был тяжело ранен капитан корабля, несколько человек убиты. Матросы начали рубить повреждённую от взрыва оснастку галеры.

– Семён, Семён, давай на пушки, я возьму на себя пока командование по управлению кораблём!

– Понял, Ваня, дадим бой! Вперёд гардемаринки!

Двадцать пять пар вёсел синхронно опускались в воду, выравнивая движение галеры после попадания ядра с турецкого корабля. Неплюев, не престава, отдавал команды, на какое-то время даже переместился на место убитого гребца на рулевых вёслах, чтоб быстрее завершить манёвр, т.к. рули на кораблях появятся несколько позже. И вот его голос на пределе возможного, перекрикивая общий шум боя, зазвучал над палубой. Радио, как мы понимаем в ту пору, не существовало, флажковый семафор, азбуку Морзе и сигнальные фонари изобретут уже в паровую эпоху.

С помощью косых парусов, учитывая направления ветра, корабль стал разворачиваться и выходить на линию атаки, задавая нужную скорость, чтоб не выбиться из общего строя и занять удобную позицию для стрельбы. 21 пушка готова вести бой.

В голове пронеслось: «Как медленно идёт разворот, наверное, сказывается степень износа корпуса и состояние рангоута... Да и сколько прилипло ракушек на днище, одному богу известно!?

Иван внимательно следил за обстановкой, галера неумолимо сближалась с кораблём неприятеля.

– Сёма, ты как? После залпа идём на абордаж!

Семён махнул рукой, показав, что всё понял...

Расчет корабельного орудия состоял из собственно орудийной прислуги, подносчиков снарядов и зарядов, и картузников.

– Слушай мою команду! – Дегтярёв прокричал номерам расчётов орудий. – Когда сойдёмся на 20-30 метров – даём залп! Дальше третьи и четвертые номера от всех орудий вместе со мной идём на абордаж! Всё зависит, братцы от нас, от натиска! Затем второй взвод из седьмых и восьмых номеров от всех орудий высаживаются, перехватывают управления парусами захваченного судна. Всё понятно! Свободные от участия в абордаже номера расчетов переходят на противоположный борт, усиливая там расчёты! Приготовиться!

И эти перемещения понятны, т.к. стрелять корабль мог только одним бортом, поэтому на свободный борт и переходили оставшиеся не у дел канониры от подбоевого борта.

Обстрел верхней палубы противника из ружей уже вёлся, когда расстояние сократилось до ста метров. Наступало время залпа из орудий.

Морской бой конца 18 века. Художник: Nicholas Pocock.

Турки промедлили. Страшный раскат выстрелов орудий в упор по турецкому кораблю заглушил всё вокруг: и выстрелы ружей, и крики матросов, и стоны раненых. Одно уцелевшее орудие турецкого корабля сделало неприцельный выстрел.

Вот уже полетели на борт противника «кошки», и абордажная партия матросов Дегтярёва стала стягивать суда бортами.

Семён вытащил правой рукой шпагу, во второй держа пистолет, закричал неистовым голосом:

– Полундра! Братцы, на абордаж!

После чего абордажный взвод первым ворвался на турецкий корабль, и начал рукопашный бой.

Иван сверху смотрел, как его друг, перескочив на турецкое судно, выстрелил в турка из пистолета и тут же вонзил во второго лезвие шпаги.

Лавина абордажной команды, захваченная порывом русского гардемарина, дико крича, продолжала перепрыгивать на борт турецкого корабля. Стреляя из ружей, рубя, коля неприятеля шпагами, кинжалами, стала продвигаться по палубе турецкого корабля, оставляя после себя раненых и горы трупов неприятеля.

Скоро всё было закончено. Иван нашёл Семёна, раненного в плечо, который сидел в луже крови, облокотившись на какой-то ящик.

– Семён, ты как? – Иван обнял друга.

– Всё нормально, Иван, всё хорошо, виват! Мы победили!

Солнце стояло в зените, разогревая ещё сильнее воздух и тела победителей команды галеры, разгорячённых только что закончившейся схваткой. Снесённые ядрами мачты, балки, паруса, тела убитых, представляли собой какую-то немыслимую кучу, нагромождённую на палубе и свисающую кусками над морем. А море было, как всегда, ласковым и тёплым. Оно не понимало всей этой суеты людей, пытающихся убить друг друга в стремлении захватить земли в угоду своим правителям, для приобретения новых полезных ископаемых, выхода на новые рынки сбыта в соседние страны.

Венецианская республика с 14 века вступила в борьбу с Турцией и, после того как в 1453 году турки завоевали Константинополь, не пришла ей на помощь и прогадала. Ещё в течение более 250-ти лет после этого пришлось ей воевать с ними, что подорвало её экономику и привело к упадку республики.

2.3.

Опять в дорогу. Испания.

Корфа. 1 января 1718 года в аттестате, выданном воспитанникам Морской Академии при отпуске с венецианской службы, отмечено, что гардемаринам удалось показать «существенный кураж в случае корабельной баталии венецианского флота с флотом турецким, бывшей 19-го июля 1717 года в порте Пагания, в заливе Елеус, а также при взятии двух фортец: Превезы и Воницы; и еще при осаде Венецианами крепости Дульциньо». (Пагания, Превеза, Воница и Дульциньо – укрепленные города на турецком берегу Адриатического и Ионийского морей).

Генерал Пансквалиго объявил указ об окончании их службы на венецианском флоте, выдал аттестаты, жалованье вперёд и ордер для проезда в Венецию.

Гардемарины после участия в морских сражениях, в конце февраля 1719 года возвратились из Корфу в Венецию и были полны надежд вернуться на родину. Но не тут-то было. 4 апреля им был объявлен указ Петра I: отправиться в Испанию и поступить теперь на галеры испанского короля Филиппа V.

В Венеции пробыли 37 дней, из них 25 – в карантине, учрежденном из опасения «морского поветрия». Агент Беклемишев приказал сшить всем гардемаринам мундиры («всякий стал по 21 ефимку»), выдал по 30 ефимков каждому на дорогу до Ливорно, а также рекомендательные письма к испанскому консулу в Ливорно и генерал-губернатору Кадиса.

Три месяца, испытывая лишения, гардемарины добирались из Венеции до Кадиса. Вначале на корабле плыли до Болоньи. Потом, навьючив лошадей, ехали верхом до Флоренции. Прибыв туда, отправились дальше в Ливорно на 2-х быстроходных корабликах-фелюках, нанятых на выданные испанским консулом деньги. В Генуе им отказались оплатить дорогу до Кадиса.

– Ну что, братья-гардемарины, – Неплюев уже пользовался после участия в боях непрекаемым авторитетом, – денег на продолжение пути нам не дают. Есть выбор: вернуться назад в Венецию и просить на проезд опять или прорываться дальше. Кто-что скажет?

Среди гардемарин раздался шум, возникли споры, мнения разделились.

– Хорошо! – Иван посмотрел на товарищей. – Прошу тишины! Есть предложение вынести вопросы на голосование...

После голосования, разделились на две группы. Десять человек (Неплюев, Дубровский, Алексеев, Щербатов, Кайсаров, Порохов, Белосельский, Коновницын и Кукарин) договорились с капитаном французского торгового судна Бианки о том, что их доставят до Кадиса за плату в одиннадцать цехинов с человека. Вторая группа решила ехать в Ливорно и «одному из них ехать из Ливорны в Венецию, к господину агенту, и требовать бы от него себе на проезд денег; понеже они в Кадикс с нами отправиться не могут, потому что денег не имели, и для того наняли они фелюку до Ливорны, дали три цехина с половиною, и того ж 26-го числа поехали они в Ливорну, а мы с ними писали к господину агенту с прошением, чтоб и всех нас помощь не оставил».

В это время между Францией и Испанией шла война. И Неплюев с друзьями долго не могла отплыть из Генуи, т. к. французский консул, по приказу своего агента, запретил капитану Бианки брать на борт русских, которые едут «в службу короля гишпанского, о чем им говорили цесарский и английский посланники, чтоб нас не велели везти на их корабле». Гардемаринам пришлось проявить политическую находчивость – убедить французского агента в том, что они едут не на службу к испанскому королю, а по указу царя возвращаются в свое Отечество, «а между наших монархов никакой ссоры нет, то для чего нас удерживать?». После переговоров им дали разрешение на отплытие, и 5 мая 1719 года корабль с русскими гардемаринами вышел из Генуи в Тулон, путь занял шесть дней.

В Тулоне группа Неплюева встретила семь русских гардемарин (Андрей Полянский, Воин и Михаил Римские-Корсаковы, Александр Волконский, Борис Барятинский, Борис Юсупов, Александр Жеребцов), обучавшихся во французской академии «навигации, инженерству, артиллерии, рисовать... как корабли строятся, боцманству (то есть, оснащать корабли), артикулу солдатскому, танцевать, на шпагах биться, на лошадях ездить, в школу ходить дважды в день; а учат их всему безденежно королевские мастера; а жалованья от королевского величества дается им на месяц по 3 ефимка; а ежели кто согрешит, в штраф сажают, в тюрьму по рассмотрению вины: за большую вину на полгода на один хлеб и воду, и никого в тюрьму не пускают».

Из Тулона Неплюев с товарищами на французском корабле отплыл в Марсель. В марсельской гавани стояло двадцать пять французских галер. Царь Пётр I придавал большое значение обладанию секретами военно-морского дела европейцев. И гардемаринам удалось ознакомиться с устройством французской гребной флотилии, а также понять работу адмиралтейства.

В Марселе Неплюеву пришлось вступить в спор с капитаном французского корабля, который им заявил, что не намерен кормить русских, мотивируя это тем, что стол пассажирам даётся только в пути, а на стоянках в портах они, съехав на берег, должны кормить себя

сами. Неплюев показал капитану договорное письмо, где о стоянках в портах даже не было упомянуто. Пришлось подать прошение французскому губернатору, и 22 мая 1719 года это дело рассматривал французский суд. Судьи «пометили, чтоб оному капитану по договорному своему письму держать про нас стол во всяком месте до Кадикса против договорного нашего письма, и против тое пометы дали нам указ, а когда дело слушали, докладывал по делу дьяк, а отвечивал за капитана наемный стряпчий «адвокат», да писарь его корабля, а от нас был я, Иван Неплюев».

Позже, рассказывая о французском королевском суде, Неплюев будет вспоминать, что «Судьи во Франции ходят в чёрных платьях, также и дьяки; а дьяки называются прокураторы; всех дел канцелярии и судьи в одном доме по разным каморам, которых палаты называются «палацо де юстиция».

26 мая русские дворяне на том же корабле покинули Марсель. В Картахене испанский губернатор де Ровир приказал русским явиться к нему с паспортами.

– Сеньоры, – губернатор посмотрел свысока на молодых людей, – по моим сведениям, русский царь отрядил в помощь испанскому монарху эскадру из сорока кораблей: об этом де есть уже королевский указ, а в портах заготавливается провизия для российского флота!

– Разрешите, сеньор! – раздался уверенный голос молодого гардемарина,

– Неплюев, гардемарин Неплюев! Мы едем на службу к испанскому королю, вы не подкажете, как лучше проехать морем до Кадиса?

Губернатор поднял глаза на оказавшегося таким смелым молодого человека, стоявшего перед ним. Потом махнул рукой, предлагая садиться.

– А вы смелый молодой человек, это похвально! Лучше плыть до Малаги, а оттуда сухим путем ехать в Кадис. Советую вам так поступить.

– Несомненно, сеньор, мы так и поступим!

Де Ровир снабдил гостей письмом к губернатору Малаги, а французскому капитану дал письмо, освобождающее его от обычных пошлин.

28 июня 1719 года обе группы гардемарин встретились в Малаге. Оказалось, что вторая группа благополучно добралась до Ливорно; из Ливорно в Венецию ездил гардемарин Кашкин, и там «господин агент дал им по 18-ти цехинов на человека от Ливорны до Барцелонии, а от Барцелонии до Малаги дано было им же на проезд от гишпанских министров королевских денег».

Губернатор Малаги дал русским лошадей и 40 цехинов на продовольствие. За эти деньги расписались Иван Неплюев и Пётр Зиновьев.

4 августа 1719 года в Кадис пришел указ испанского короля, по которому велено было определить в академию русских дворян с содержанием, равным содержанию испанского гардемарина (10 ефимков в месяц), но без мундира.

В то время в академии обучалось 240 гардемарин, из которых 60 находилось в Сицилии и 18 – в Америке «на кораблях». По окончании учебы они выпускались офицерами на флот, в артиллерию, а также в полевые войска. Неплюев вспоминал, что последних «выпускают ... в драгунские и пехотные полки в поручики и в прапорщики; а ежели который может у полковника купить роту, того жалуют и в капитаны, потому что полковник вербует солдат за свои деньги».

Процветавшие в европейских армиях наёмничество, торговлю офицерскими должностями Пётр I считал вредными и неприемлемыми для новой российской армии и флота. Русская армия была национальной по составу, в то время как в войска Европы в то время большую часть армии, как правило, составляли наёмники.

6 августа русские гардемарины, расписанные на 6 кварт (учебных групп), приступили к занятиям: «учились... солдатскому артикулу, танцевать и на шпагах биться; а к математике

приходили, только без дела сидели, понеже учиться невозможно, для того что мы их языку не знали».

Иван и Семён держались теперь вместе, как иголка с ниткой, куда один, туда и второй:

– Семён, дружище, когда уже нас отправят домой?! – Неплюев посмотрел на своего товарища. – После службы на галерах, мне претит этот распорядок дня испанских гардемаринов!

– Это точно, Иван! Поутру молебн в церкви, затем двухчасовые занятия математикой; после обеда в течение полутора часов три группы учатся артиллерийскому искусству, две – солдатскому артикулу, одна – шпажному бою и танцам. Мы их языка не знаем, приходим на математику, только без дела сидим, понеже учиться невозможно.

– Да, Сёма, уже сил нет никаких, в Венеции мы были заняты боевой службой, слышали славянскую речь, там низшие чины венецианского флота многие были из югославян и даже беглых русских, а здесь всё время на фехтовании и прыгаем козлами на танцах.

– Согласен и материально очень тяжело, надо писать письмо, чтоб нас вытаскивали отсюда, ибо нет уже никакой мочи тут находиться!

10 августа 1719 года гардемарины отправили в Санкт-Петербург генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину и в Голландию послу князю Б. И. Куракину письма, в которых пожаловались на свое «крайнее убожество»: «первое, что голодны, второе, что имеем по одному кафтану, а рубашек и протчего нет».

Гардемарины просили Апраксина: «Соизволь доложить его царскому величеству, чтобы нам быть в службе, а не в академии, и определил бы его царское величество жалованьем, чем бы можно нам содержаться». «Ежели мы будем многое число в академии, – подчеркивали гардемарины, – то практику морскую, которую мы приняли, можем забыть, а вновь ничего не присовокупим, понеже танцевание и шпажное учение к интересу его царского величества нам не в пользу. Ежели к нам вашего сиятельства милость не явится, истинно, государь, можем от скудости пропасть» (Витевский В.Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. I. Казань, 1889. С. 41.).

«Слезное моление русских робят» 17 ноября 1719 года было прочитано в общем собрании членов Адмиралтейской коллегии. Последовало определение выдать гардемаринам жалование на пропитание и на проезд из Испании в Голландию, а оттуда в Россию.

Прощай, Венеция, прощай, тёплая Испания! Группа гардемаринов последний раз прошли по улицам Кадиса. Красота и только – эта граница с её солнцем, но так хочется увидеть стройные берёзки Отечества родного!

Обратный путь в Россию был не менее труден, нежели предыдущие путешествия по Европе. Деньги на проезд до Амстердама пришлось занимать в Кадисе у купца дона Изанбеше при посредстве испанского генерал-губернатора по письму и под вексель князя Куракина. «И сверх того, – отмечал впоследствии И. И. Неплюев, – была об нас от резидента рекомендация, чтоб нам везде в Гишпании в деньгах верили, сколько понадобится на проезд». 17 февраля 1720 года гардемарины на датском военном корабле покинули Испанию. В ночь на 16 марта у берегов Англии корабль попал в бурю. В «Записках» И. И. Неплюев пишет об этом так: «... большой парус фок разодрало; и гротрей и фокрей опустили, и руль подвязали, и пустились на волю Божию, и понесло корабль на ост, к мели, к Голландской земле, понеже были от земли только 20 миль; однако Бог сохранил: к полуночи ветер утих».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.